

А. Аникин

Мои знаменитые знакомые¹

Алек Ноув (1925-1994)

В предыдущем выпуске «ЭШ» опубликован некролог Ноува, а также его небольшая статья, вероятно одна из последних. Поделюсь некоторыми личными воспоминаниями.

Я бегло познакомился с Алексом Ноувом, одним из самых интересных экономистов-советологов, в конце 60-х гг., когда он в первый раз приехал в СССР. До этого он довольно долго был «невъездным». Очевидно, «компетентные органы» считали его в каком-то смысле опасным.

Знакомство началось с того, что я искренне поблагодарил его за очень приятную для меня рецензию на мою книгу «Валютные проблемы Западной Европы». Эта рецензия появилась в солиднейшем английском научном журнале «Экономика». Помню, при поездках за границу в то время я таскал этот номер журнала как своего рода визитную карточку.

Ноув был чрезвычайно динамичный, энергичный, стремительный человек. О чем бы он ни говорил — от обеденных блюд до экономической теории, — во все он вкладывал темперамент и страсть. Иногда, казалось, избыток того или другого. Его, как говорится, «несло», если он рассказывал о чем-либо. Он украшал рассказ забавными деталями, заразительно смеялся собственным шуткам и буквально заставлял собеседника участвовать в его маленьких представлениях.

Его страстью было общение с людьми, и ради этого он колесил по земному шару. В мире советологии и экономики социалистических стран его знали все и он знал всех.

Окончание. Начало см. в вып. 3.

Ноув не был яростным антикоммунистом и был склонен рассматривать развитие советской системы как объективный исторический процесс, в ходе которого он пытался найти какие-то положительные тенденции. Он искренне радовался возрождению экономической науки в СССР начиная с 60-х гг. и был склонен, по своей увлекающейся натуре, преувеличивать ее успехи. Одна из важных линий его деятельности состояла в том, что он упорно старался ознакомить Запад с русской и советской экономической мыслью. Он выступил редактором сборника переведенных на английский язык статей советских авторов под заглавием «Использование математики в экономике».

Сейчас я перечитал его большую статью «Советские экономисты и советская экономика» (1981). Из нее мы, привыкшие к изрядному скептицизму в отношении собственных работ, даже с некоторым удивлением узнаем об «оригинальных и смелых идеях, выдвинутых советскими экономистами за последнее десятилетие». Речь идет об оптимальном ценообразовании, о децентрализации экономических решений, о региональной экономике и о многом другом. Ноув был высокого мнения о новосибирской школе, о трудах Центрального экономико-математического института. Он предсказывал выдвижение Абега Аганбегяна, Николая Петракова, Станислава Шаталина. В горбачевские годы это действительно произошло, хотя, впрочем, не порадовало успехами в экономических реформах. Но их ли в том вина?

Происхождение и жизнь Алека Ноува были довольно необычны. Он родился в России и был сыном Якова Новаковского, социал-демократа конца прошлого века, деятеля меньшевистского крыла социал-демократии. В начале 20-х гг. после ссылки в какую-то отечественную глушь Новаковский с семьей сумел выехать за границу. С восьми или десяти лет Алек жил в Англии. Не знаю, отец или он сам урезал и англизировал свою фамилию.

Алек Ноув был ветераном второй мировой войны. Я хорошо помню его рассказ о военной катастрофе 1940 г. во Франции и трагической эвакуации английского экспедиционного корпуса из Дюнкерка, осажденного немцами. После этого он служил в английской армейской разведке и кончил войну майором.

Это был человек двух языков и двух культур. Ноув одинаково хорошо говорил и писал по-английски и по-русски. Лишь изредка в его русской речи могли проскальзывать интонации, которые выдавали человека, многие годы оторванного от нашей живой языковой стихии. Приятно было и то, что он глубоко интересовался русской культурой и историей, стремился быть в курсе новинок литературы на русском языке.

Книги и статьи Ноува о советской и российской экономике отличаются полнотой информации, основательностью анализа, трезвым

реализмом. Очень важно, что он умел писать живо и интересно. Его книга «Экономическая история СССР», впервые опубликованная в 1969 г., несколько раз переиздавалась массовым тиражом. Почитать ее полезно не только западному человеку, но и россиянину.

Ноув был многолетним директором Института советских и восточноевропейских исследований Глазговского университета — того самого, где более чем двумя столетиями ранее профессорствовал Адам Смит. При Ноуве институт превратился в один из самых авторитетных научных центров такого рода. Последние тридцать лет его жизни тесно связаны с Шотландией.

В июле 1990 г. Ноув показывал мне Глазго с его достопримечательностями. Жаль, невозможно посидеть в аудитории, где читал лекций Адам Смит. Такую возможность еще имел его французский последователь и интерпретатор (по мнению Маркса, недостойный) Ж.-Б. Сэй. Но примерно в середине XIX в. старые здания Глазговского университета были безжалостно снесены, чтобы дать простор промышленному развитию города.

В 1990-1993 гг. мы встречались с Алеком довольно часто, так как «дуэтом» выступали консультантами по советским и российским делам большого международного инвестиционного банка «Морган, Стэнли энд компани». Штаб-квартира банка находится в Америке, но в Лондоне действует европейский филиал, с которым мы в основном имели дело. Мы проводили беседы с сотрудниками и клиентами банка, а также с журналистами, которые набирали материал для создания его имиджа. Порой это была нелегкая работа, особенно в части ответов на вопросы.

В каком-то смысле мы были с Алеком конкурентами, но я ни разу не почувствовал с его стороны даже намека на ревность или недоброжелательство. Кроме всего, он был прекрасный оратор — яркий, эмоциональный, находчивый. Я неизбежно проигрывал рядом с ним, но у меня было одно преимущество, хоть и не зависящее от моих способностей: все же я был из Москвы, а он из Глазго.

Хотя Алек был, видимо, не вполне здоров последние годы, он несколько не менял свой образ жизни и работал: писал, публиковал, участвовал в конференциях и симпозиумах в разных концах мира. Умер он неожиданно, во время поездки в Скандинавские страны, через несколько дней после очередного визита в Санкт-Петербург, включая посещение «Экономической школы».

Я полагаю, по своим глубинным воззрениям Ноув, как его отец, был социал-демократом, конечно, в современном западном, а не старом российском смысле этого слова. Его беспокоили очевидные социальные последствия наших рыночных реформ с их криминально-бюрократическими уродствами: образование новых классов бедняков и богачей, бесконтрольное бегство капиталов за рубеж, упадок сферы

общественных услуг, рост открытой и особенно скрытой безработицы.

Хорошо помню, что во время одной из последних встреч в 1993 г. мы говорили о противоестественной структуре внешней торговли России: экспорт — почти исключительно нефть и газ, импорт — одни потребительские товары, часто сомнительного качества. Не то чтобы он был против свободы внешней торговли, но не преминул вспомнить, что послевоенная Великобритания, находившаяся в нелегком экономическом положении, административным способом ограничила ввоз иностранных (в то время практически американских) автомобилей. В это время мимо нас по московской улице проносились бесчисленные иномарки.

В последнем абзаце статьи, опубликованной в вып. 3 «ЭШ», Ноув задается вопросом: «...возродятся ли идеалы социализма, столь запачканные советским вариантом его реализации?». Характерная фраза!

Иосиф Адольфович Трахтенберг (1884—1960)

Когда в 1956-1957 гг. образовался и укомплектовался ИМЭМО, директор Анушаван Агафонович Арзуманян прежде всего привлек «старые кадры» — сотрудников разгромленного в 1948 г. Института мирового хозяйства и мировой политики, института Варги. От довоенных времен остались два академика-«мировика»: сам Е. С. Варга и Трахтенберг. Обоим было далеко за семьдесят, и в штат они не пошли. Но некоторое участие в делах новорожденного института принимали. Трахтенбергу дали одного или двух аспирантов. Поскольку тема моей докторской диссертации была близка к тематике его работ, я однажды (вероятно, весной 1958 г.) попросил его совета и консультации. Трахтенберг позвал меня к себе домой, и я стал бывать у него один раз в два-три месяца. К несчастью, наши встречи продолжались недолго.

Трахтенберг запомнился мне небольшим сутулым стариком в старомодном и, видимо, затрапезном синем костюме, с хриловатым голосом завязатого курильщика. Жил он в обширной темноватой квартире в известном «доме академиков» в начале Ленинского проспекта. Квартира эта производила на меня впечатление особенно потому, что я жил в одной небольшой комнате с женой и сыном да с наезжавшей время от времени тещей.

Не помню, чтобы мы с Иосифом Адольфовичем когда-нибудь чаевничали (с его дочерью Марианной Иосифовной я познакомился, кажется, лишь после его смерти, когда стал ответственным редактором посмертного издания его трудов). Но разговоры вели долгие и порой сердечные.

Мой отец, который был тогда еще жив, помнил Трахтенберга по Томску: тот был студентом Томского университета в те же годы, когда мой отец был студентом Технологического института императора Николая II. К тому же и я родился в Томске. Не знаю, сыграла ли эта линия связей какую-нибудь роль в нашем сближении, но иногда мы говорили о Томске.

Я напомнил Иосифу Адольфовичу еще об одном эпизоде: в 1948 г. я, студент четвертого курса Института внешней торговли, выступал на заседании в Институте экономики, где делал доклад о военных деньгах мой профессор по институту, а председательствовал Трахтенберг. Он великодушно сделал вид, что вспомнил меня.

Трахтенберг был марксистом до революции. Его книга «Бумажные деньги», вышедшая первым изданием в овеваемом ветрами гражданской войны Харькове в 1918 г., представляла собой умелое применение марксистской теории к многообразным явлениям бумажно-денежного мира. Это был вполне «добровольный», основанный на убеждениях и жизненном опыте марксизм, а не обязательный, предписанный сверху, каким он стал очень скоро, в течение 20-х гг. Трахтенбергу, вероятно, было легче приспособиться к этому сдвигу, чем «буржуазным» ученым, которые оказывались перед нелегким выбором: эмигрировать, замолчать или приспособиться. Но, думаю, ему это тоже стоило трудов, компромиссов и насилия над собой. Характерно, что в партию он так и не вступил. И остался тем, кого тогда (отчасти иронически) называли «беспартийный большевик». Этим он отличался от Варги, который был прежде всего коммунист, а потом уже — ученый.

В 20-е гг. Трахтенберг много работал в советских экономических учреждениях, но едва ли пришлось там ко двору. После выхода в свет книги «Современный кредит и его организации. Теория кредита» (1928) он стал определенно ориентироваться на карьеру экономиста-теоретика. В 1931 г. Варга взял его на работу в Институт мирового хозяйства (ИМХ), который под впечатлением Великой депрессии занимался в основном проблемами капиталистических циклов и кризисов. Этого требовала партия: Сталин и его соратники искренне считали, что мировой экономический кризис предвещает крах капитализма как системы.

Трахтенберг с группой сотрудников готовил монументальный том о денежных кризисах, который вышел в свет в 1939 г. Это добросовестная работа, которую можно и теперь использовать как источник материалов по истории кризисов. В том же году Трахтенберг, в паре с Варгой, был сделан академиком без промежуточного член-корреспондентского стажа. Надо думать, без согласования с самым верхом (вплоть до Сталина) здесь не обошлось. О том, как избирались академики, можно судить по такому вот рассказу о «фортунах» Льва

Николаевича Иванова. За достоверность не ручаюсь, но все же перескажу. Он тоже работал в ИМХ и занимался морской политикой капиталистических стран. Незадолго до войны какая-то его записка волею судеб попала на стол Сталину, который почитал и похвалил автора. К этому времени Иванов, если не ошибаюсь, был лишь кандидатом наук. Через несколько месяцев он стал член-коррпом, а через три года — академиком.

Упаси меня Бог, этим бросить тень на академическое звание Трахтенберга. Вероятно, он заслужил его больше, чем кто-либо другой, и носил достойно. Его работы, опубликованные в первые послевоенные годы, остаются в числе лучших для того времени. Ему повезло. Он мало занимался идеологически острыми и опасными проблемами экономики, скромно сидел на финансах и «не высовывался». Насколько я помню и знаю, репрессии против ИМХ и борьба с «космополитизмом» его прямо не затронули. В период между закрытием ИМХ и открытием ИМЭМО он продолжал работать в Институте экономики и написал еще одну книгу, далеко, впрочем, не лучшую. Но кто может похвастать серьезным вкладом в экономическую науку, сделанным в первой половине 50-х гг.? Иные, думаю, предпочли бы, чтобы теперь забылось то, что они тогда писали и публиковали...

Что помню я о наших профессиональных беседах с Иосифом Адольфовичем? В 1958-1959 гг., когда мы с ним встречались, я начинал исследование, из которого вышла диссертация и опубликованная в 1964 г. книга «Кредитная система современного капитализма». В основном я обсуждал с ним замысел и структуру работы. Вероятно, в этом отношении он мне немало помог. Каждый исследователь, начиная работу, неизбежно оказывается перед необозримой массой материалов, переплетающихся и ветвящихся проблем. Как себя ограничить, как выделить главное, а очень многое, хотя и кажущееся интересным, отбросить? Вот здесь совет опытного человека очень нужен и полезен. Такую роль в моем случае сыграл Трахтенберг, за что я ему благодарен. Я вскоре ввел в свою работу два главных ограничения: только материал США и только структурно-институционные аспекты кредитной системы. Надеюсь, это пошло работе на пользу.

Как многие русские экономисты, выросшие в первую четверть нашего века, Трахтенберг был воспитан на немецкой литературе. Если вы просмотрите библиографию двух его первых больших книг, вы найдете много ссылок на экономистов Германии и довольно мало на американских и английских авторов. Я думаю, Соединенными Штатами он стал вплотную заниматься только во время и после второй мировой войны. Он никогда не бывал в этой стране (я к моменту наших бесед тоже). Поэтому я не помню, чтобы американ-

ские дела, которыми мне впоследствии пришлось так много заниматься, были важным предметом этих бесед.

Издание трудов И. А. Трахтенберга в двух томах было одним из главных моих занятий в 1961-1963 гг. Я написал вступительные статьи к обоим томам. Что касается текстов, то в книгах, которые мы перепечатывали по изданиям 20-х и 30-х гг., мы практически ничего не трогали. Но послевоенные работы пришлось «очищать» от несуразных словословий Коммунистической партии и товарищу Сталину, от бессодержательных проклятий американскому империализму.

Честно говоря, не знаю, как эта операция выглядит с точки зрения литературной этики и авторского права. Но внутренне я не сомневался, что автор не возражал бы против нее. Примечательно и характерно для Трахтенберга, что эти чужеродные фразы были написаны как-то неумело или небрежно, порой звучали просто пародийно. Стар он был, чтобы усвоить стиль борзописцев 40-х и 50-х...

А может быть, эти фразы вписывал своей рукой редактор. Со мной был такой случай. В 1950 г. я опубликовал свою первую статью, где сопоставлялось экономическое развитие Запада и Востока Европы. Статья эта была, конечно, плохая, потому что писалась по заказу и подгонялась под заданную идеологическую схему: время стояло, как вы понимаете, самое черносотенное. Но все же она была по тем временам умеренной и, надеюсь, довольно разумной. Когда же я получил свежий номер журнала, я схватился за голову: ничего не согласовывая со мной, редакция вписала два абзаца о Югославии, наполненные почти матерной руганью по адресу «фашистской клики Тито», содержащие взятые с потолка и заведомо фальшивые цифры.

Так с тех пор мне и неохота заглядывать в этот номер журнала...

Леонид Витальевич Канторович (1912—1986)

Этот талантливый математик, увлекшийся экономическими проблемами, был и остается единственным советским (российским) лауреатом Нобелевской премии по экономике.

Канторович разработал линейное программирование — красивый и перспективный способ решения экономических задач, в которых ищется оптимум, обычно — оптимальный способ комбинации и использования ограниченных ресурсов. Его новаторская работа в этой области была опубликована в 1939 г., но прошла незамеченной. Лишь после того, как линейное программирование было независимо от Канторовича развито американцами (особенно разделившим с ним премию Тьяллингом Купмансом), мы стали настаивать на приоритете ленинградского математика, который с начала 60-х гг. работал во

вновь созданном Сибирском отделении Академии наук и Новосибирском университете.

До этого советская официальная экономическая теория не признавала математику. Считалось, что она притупляет социальное острие марксистского анализа. Это было очень удобно для «профессии»: не надо было терять годы на изучение математики и ее экономических приложений, а было достаточно знать «Капитал» Карла Маркса и даже только его облегченные переложения, чтобы получать ученые степени и должности. Наука сохраняла название «политическая экономия», как во времена Рикардо и Маркса, и всячески подчеркивалось ее отличие от «буржуазной экономики».

В период хрущевской «оттепели» адепты «классовой науки» вынуждены были потесниться. Было признано, что математика может быть полезна для исследования многих экономических процессов. Особенно успешно внедрялись методы линейного программирования и леонтьевского анализа затраты—выпуск, поскольку они обещали улучшение централизованного планирования использования ресурсов. Экономисты, никогда не изучавшие или давно забывшие математику, кинулись овладеть ею. (Я относился ко второй категории: когда-то сдал экзамены по университетскому курсу высшей математики, но за 15 лет почти все забыл).

Видные экономисты-математики, ранее допускавшиеся лишь на обочину экономической науки, стали уважаемыми учеными. В 1965 г. Канторович получил Ленинскую премию — высшую награду за научную деятельность.

Впрочем, все это в значительной мере пошло мимо официальной политической экономии (как она преподается и изучается). Отсюда нынешняя странная структура науки и преподавания. В Академии наук есть Институт экономики и Центральный экономико-математический институт. На экономическом факультете Московского университета — кафедра политической экономии и кафедра математических методов анализа экономики. Все это «по отдельности». Экономисты в России делятся на математизированных и нематематизированных. В обеих «сектах» есть экстремисты, презирующие друг друга, но есть, особенно в последнее время, люди, стремящиеся к примерению и интеграции.

В 60-х и 70-х гг. признание Канторовича на Западе постепенно утверждалось. Этому способствовали его молодые друзья и последователи, особенно Абел Аганбегян. Он говорил мне, что, будучи одним из нобелевских номинаторов (ученых, предлагающих кандидатуры), он систематически называл Канторовича. В 1975 г. свершилось.

Вскоре после этого я познакомился с Канторовичем. Благоговейный трепет, который я испытывал перед математиком высшего класса, быстро рассеялся: Канторович оказался живым и интересным человеком, хо-

рошо понимающим юмор. Он отлично чувствовал себя в кругу людей значительно более молодых, особенно интересных женщин.

Летом 1981 г. советские и американские экономисты обсуждали в Алма-Ате проблемы ценообразования в обеих экономиках. Такие ежегодные встречи под руководством проф. Ллойда Рейнолдса из Йельского университета и акад. Тиграна Хачатурова из Московского университета проводились в США и СССР попеременно. Они выгодно отличилась от других программ научных обменов, в которых мне приходилось участвовать: собирались не случайные люди, а профессиональные экономисты, представлялись письменные доклады, шли серьезные дискуссии, издавались материалы. К сожалению, со смертью Хачатурова и отставкой Рейнолдса эта программа сошла на нет, хотя теперь для нее сложились, казалось бы, более благоприятные условия.

Канторович был, можно сказать, душой всей дискуссии. Он брал слово по нескольким докладам, и почти все из того, что он говорил, было интересно и содержательно. Американцам он очень понравился.

Конференция закончилась обильным и веселым обедом. Вино, как говорится, лилось рекой. Оно развязало языки и освободило от скованности. Русские и американцы поднимали тосты, соревнуясь в остроумии и дружелюбии.

Тут со мной произошел казус, который на пару дней испортил мне настроение. Он сложился из начитанности, с одной стороны, и небольшого опьянения, которое помешало подобрать точные слова, — с другой. Я решил поднять тост за Америку, но при этом украсить его литературными реминисценциями.

У поэта Алексея Константиновича Толстого есть замечательная сатирическая поэма «Сон Попова», в которой некий русский государственный деятель 70-х гг. прошлого века, ксенофоб и консерватор, произносит речь об особом пути России и непригодности для нее западных образцов. (Эти идеи необычайно живучи и в последнее время снова играют очень заметную роль в политической ситуации России). Поругав Британию за ее излишнюю приверженность правопорядку (отеческое беззаконие лучше заморской законности!), этот оратор говорит:

Искать себе не будем идеала,
Ни основных общественных начал
В Америке. Америка отстала,
Там собственность царит и капитал.

Это, конечно, остроумная пародия, не потерявшая актуальности и теперь.

Я процитировал эти строки и перевел их на английский. Но при этом от слушателей ускользнуло, что Толстой издевается здесь над

тупой и гибельной верой в то, что Россия выше Америки именно потому, что права собственности в ней не защищены, а капитал не пользуется уважением.

Меня одинаково не поняли русские и американцы — значит, действительно, плохо говорил. Получилось, что выразил собственное отношение к Америке и ругал ее за то, что там царят собственность и капитал. Это, конечно, было неуместно и просто глупо.

Короче, я провалился со своим «интеллектуальным» тостом.

Канторович подошел ко мне, укоризненно покачал головой и... стал утешать: мол, со всяким может случиться неудача. На другой день мы имели с ним долгий мирный разговор, я ему все объяснил, но, как говорят в России, слово — не воробей, вылетит — не поймаешь.

Престиж советских экономистов на Западе очень низок. Изданный в 1986 г. в США справочник «Кто есть кто в экономической науке», содержащий биографии и научные характеристики нескольких сотен экономистов, дает информацию лишь об одном ныне здравствующем советском экономисте. Это Валерий Макаров, кстати сказать, ученик Канторовича.

Нет ли здесь дискриминации? Вероятно, есть: сказывается оторванность советской науки от мирового процесса, языковой барьер... Но лучше не обижаться, а признать, что уровень экономической науки в нашей стране действительно низок и у нас в ближайшие годы нет шансов иметь новых нобелевских лауреатов. До недавнего времени наша экономическая мысль была заключена в жесткие идеологические шоры. Это сказывается и теперь, хотя прямой цензуры научных исследований нет. Кроме того, в нынешних сложных условиях практически все дельные экономисты занимаются острыми текущими проблемами, на фундаментальные исследования и толстые книги времени у них не хватает.

Пол А. Самуэльсон (р. 1915)

Собравшись написать эти несколько страниц, я вновь чувствую, сколь самонадеянно мое мемуарное предприятие. Я беседовал с проф. Самуэльсоном всего один раз. В начале 60-х гг. я был одним из редакторов русского перевода его знаменитого учебника. Но не более. Прочтя статью о нем, опубликованную в связи с присуждением Нобелевской премии, я еще раз убедился, что плохо знаю его научные труды. Более того, в силу исходной ограниченности моего советско-марксистского образования мало способен их по-настоящему понять. И все же: может быть, этот взгляд из Москвы что-то добавит к пониманию духовного облика одного из самых талантливых ученых XX в.

Учебник Самуэльсона популярен у нас. В то же время научные труды Самуэльсона пылятся на полках немногих больших библиотек и почти не участвуют в научном процессе. Как бы ни был велик его вклад в теорию делового цикла (взаимодействие мультипликатора и акселератора), в теорию потребления (концепция выявленных предпочтений), в теорию международной торговли, все это — китайская грамота для «постсоветских» экономистов. «Политэкономы» (нема-тематизированные экономисты) не интересуются всем этим как по причине усвоенного марксистского догматизма, так и в силу своей слабой или нулевой математической подготовки. «Математики» мало интересуются чистой теорией, предпочитая экономические и статистические методы.

Нынешняя обстановка тоже не способствует росту интереса к западной теоретической экономике. Боюсь, что потребуются смена поколений, чтобы преодолеть пропасть между «западной» и «восточной» экономической наукой.

Русский перевод учебника Самуэльсона родился из «оттепели» 50-х-начала 60-х гг. Переводилось пятое (1961) издание уже получившей всемирное признание книги. Для противодействия буржуазному духу книга была снабжена не только вступительной статьей, но и зубодробительным послесловием, которое начиналось характерной фразой, не оставлявшей у читателя никакой надежды: «В современном мире, главной особенностью которого является переход от капитализма к социализму и коммунизму, идет ожесточенная борьба между коммунистической и буржуазной идеологией». Вдобавок ко всему этому на титульном листе было напечатано: «Для научных библиотек».

Хотя книга Самуэльсона дидактически безупречна и написана прекрасным, ясным языком, для группы молодых переводчиков это был нелегкий труд. Кроме того, сам групповой метод работы плох для перевода, так как каждый нередко использует свои русские термины для не вполне устоявшихся в нашем языке понятий. Отсюда — необходимость редакторов. Но редакторов оказалось тоже трое; на мою долю из шести частей пришлось только вторая и пятая (макрэкономика и международные экономические проблемы).

Александр Гершенкрон, недавно умерший американский ученый, хорошо знавший русский язык, дал в особой статье справедливую, хотя порой язвительную и не очень приятную для редакторов, оценку русского издания Самуэльсона. Популярное у нас сейчас объяснение «время было такое», очевидно, не может быть полным оправданием. Время определяют люди, которые в нем живут. Самое правильное, что следовало бы сейчас сделать, это осуществить новый перевод и новое издание учебника, который на английском языке вышел, кажется, в четырнадцатый раз.

Сколь ни тошнотворны предисловие и послесловие, каковы бы ни были недостатки перевода, но русское издание учебника Самуэльсона было и осталось событием. Книга скоро стала библиографической редкостью, попала на черный рынок.

Наверно, не самой важной, но самой смешной была следующая ошибка в переводе. В эпиграфе к одной из глав у Самуэльсона по доброй англо-саксонской традиции цитируется «Алиса в Стране чудес» Льюиса Кэррола. Переводчик спутал Моржа (Walrus), персонажа этой сказки, с франко-швейцарским экономистом Вальрасом (Walras)! Это сравнимо только с таким эпизодом. Мне пришлось быть в 1963 г. в Индии с Борисом Васильевичем Петровским, известным хирургом, одним из зачинателей операций на сердце. Такую операцию он успешно сделал в Дели. На другой день местная газета сообщила, что профессор расширил сердечный клапан коммунистическим (communist) инструментом — пальцем. Опечатка или намеренная шутка состояла в замене этим словом слова commonest (обыкновенный).

Среди советских ученых-экономистов, отправлявшихся в Америку (обычно на один—три месяца), была конкуренция: кто сумеет встретиться с большим числом знаменитостей. Самуэльсон и Гэл-брейт занимали в этом списке два первых места (трудно сказать, кто — первое, кто — второе). Зная, как его осаждают советские, я не был уверен, что мне удастся увидеть Самуэльсона. Но помог наш общий знакомый проф. Евсей Домар, которого мы незадолго до этого принимали в Москве. Домар — еще один известный американский экономист русского происхождения.

В Слоан скул оф менеджмент Массачусетского технологического института кабинеты Самуэльсона и Домара объединены одной приемной, где сидит секретарша — одна на двоих. Когда я пришел, Домар был на месте, а в кабинете Самуэльсона... была собака, такой симпатичный терьер. Мне объяснили, что хозяину не с кем его оставить дома, вот и приходится возить в институт. Не уверен, что это позволено любому сотруднику...

За ленчем разговор зашел о советской экономике. Я едва успевал собираться с мыслями, чтобы разумно отвечать на острые, четкие, профессиональные вопросы Самуэльсона — о сбережениях, дефицитах, рынке и бюрократии. Хотя он знал о примитивности финансовой системы в СССР, все же удивился тому, что весь выбор советского сберегателя — между 3%-ным срочным вкладом в сберегательном банке и выигрышным займом с оплатой выигрышей исходя из тех же 3% годовых.

Все это происходило на другой день после президентских выборов 1980 г., и мы не могли не поговорить о победе республиканца Рейгана. Я рассказал: хозяйка маленького отеля в Бостоне, где я жил,

спросила меня, доволен ли я исходом выборов. Я честно ответил, что не очень: демократы и Картер мне как-то ближе. Тогда она с нажимом сказала: «А мы довольны!». Самуэльсон комментировал: «Да, это будет президент среднего класса. Больше, чем какой-нибудь другой». В отношении экономической политики Рейгана Самуэльсон был скептичен. Впрочем, тогда скептиками были практически все видные экономисты.

Я сказал Самуэльсону, что в Москве он очень уважаем и что он убедится в этом сам, если приедет. Он вежливо, но твердо сказал, что не собирается. Потом, может быть, чтобы смягчить впечатление, заговорил о своем соседстве, нелюбви к путешествиям и привел в пример великого математика Гаусса, который всю жизнь не выезжал из какого-то германского университетского городка. Я поддакнул, вспомнив Канта, который, кажется, никогда не покидал Кенигсберг. Вскоре после этого мы распрощались.

Лоуренс Р. Клейн (р. 1920)

Клейн получил Нобелевскую премию в 1980 г., когда ему минуло 60 лет. Для лауреатов по экономике это немного.

Среди широкой публики в Америке, не говоря уже о России, имя Клейна не так хорошо известно, как имена Гэлбрейта и Леонтьева. Клейн не публицист, не политик и не оратор, это тип кабинетного, «лабораторного» ученого. Пожалуй, из всех ученых, о которых я здесь пишу, он больше всех напоминает Саймона Кузнецца: немного медлительная, раздумчивая манера разговора, подчеркнуто негромкий, чуть скрипучий голос. Кажется, ни в одном рабочем кабинете я не видел такого количества книг, как у него в модернистском галерейно-купольном корпусе Макнейла, где помещается экономический факультет Пенсильванского университета в Филадельфии.

Характерно отношение советской официальной науки к Клейну. Во втором томе издания «Экономическая энциклопедия. Политическая экономия», вышедшем в 1975 г., для Клейна не нашлось места, хотя его основополагающей работе (с Голдбергером) «Экономическая модель Соединенных Штатов, 1929-1952» уже тогда было 20 лет. Но в четвертом томе (1980) Е. З. Майминас в статье «Эконометрия» справедливо написал, что в 50-х гг. Клейн стал одним из создателей «корреляционных многофакторных моделей, описывающих статистические взаимосвязи производства, конечного, личного и государственного спроса, цен, налогов, внешнеторгового оборота, износа и накопления капитала, предложения рабочей силы и других переменных в экономике отдельных капиталистических стран».

Энтузиаст и классик эконометрии (эконометрики), Клейн разрабатывает модели, которые позволяют на основе выявленных в прошлом развитии экономики количественных зависимостей делать сценарии и прогнозы будущего развития, определять вероятные последствия мер экономической политики. Предположим, правительство обсуждает вопрос, что будет с экономикой, если повысить ставки подоходного налога на 20%. Эксперты закладывают это в модель и с помощью компьютера выдают ответ: ВВП снизится на 0.5%. Зато, скажем, темп инфляции упадет с 4 до 3% в год. Политики, выбирайте.

Конечно, никакая модель не может учесть все факторы, все варианты и непредвиденные эффекты. Поэтому не следует полагаться только на модель. Но она может быть важным ориентиром.

Говорят, Клейн в молодые годы был радикалом и проявлял интерес и симпатии к марксизму. Это в какой-то степени проявилось в его ранней и свежей книге «Кейнсианская революция» (1947). В этом не было ничего необычного. Тенденция к интеллектуальной независимости, к нонконформизму, характерная для американских университетов, порождает оппозицию официальной буржуазно-консервативной идеологии, и марксизм оказывается самой естественной формой такой оппозиции. Даже в 1980 г., когда популярность марксизма явно упала по сравнению с 40-ми гг., мой друг проф. Джон Летиш из Калифорнийского университета в Беркли говорил мне, что на экономическом факультете до 30% студентов считают себя марксистами. Правда, это один из самых «левых» университетов в Америке. Но там-то, кстати, и учился Клейн.

Конечно, Клейн и теперь отнюдь не консерватор, но, вероятно, углубление в математику, статистику и эконометрию освободило его от многих иллюзий и крайностей молодых лет.

Личность и труды Лоуренса Клейна позволяют мне сказать несколько слов об этом типе американцев с их поразительной добросовестностью. Недавно в Москве провела месяц наша семейная знакомая, американская дама, темой научной работы которой является культура русской усадьбы XVIII-XIX вв. Она получила на эту поездку субсидию от какого-то фонда. Каждый день, включая субботу и воскресенье, в дождь и снег, она моталась по нашим ужасным дорогам, осматривая и фотографируя полуразрушенные усадьбы. Специально нанятый водитель изумлялся ее энергии и выносливости и позволял себе роптать, несмотря на неплохой заработок.

Тут я вспомнил проф. Клейна в Москве не то в 1974-м, не то в 1975 г. Прошел день заседаний советско-американского экономического симпозиума. Потом был обильный обед. Время — часов одиннадцать вечера. Мы сидим втроем (Клейн, Валентин Кудров и я) в комнате Клейна в роскошной гостинице «Советская» со справочни-

ком «Народное хозяйство СССР» и обсуждаем какие-то статистические ряды, нужные американцу для модели экономики СССР, которую он тогда разрабатывал. Клейн на другой день уезжает и использует каждую свободную минуту, чтобы пополнить свой научный багаж. Голова трещит, спать невыносимо хочется, а Клейн готов, кажется, сидеть до утра над этим справочником, который через 10-12 лет объявят фактически фальшивкой. Думаю, мы разошлись тогда едва ли раньше полуночи...

Кстати, недоброкачество исходного статистического материала — это гибель для экономических моделей. Как можно использовать модель, если в исторических данных, положенных в ее основу, темп экономического роста завывался в два или три раза?

Памятная мне встреча с Клейном произошла в Нью-Йорке в феврале 1983 г. Университет ООН (есть такое учреждение со штаб-квартирой в Токио) собрал заседание своего рода «клуба экономических мудрецов» для обсуждения путей выхода из экономического спада, в котором находилась мировая экономика, особенно развивающихся стран. Компания собралась пестрая: бывший премьер-министр Филиппин и бывший председатель Национального банка Нигерии, директора институтов (аналогичных ИМЭМО) в Швеции и Венгрии, видный финансист с Уолл-стрита и проф. Лоуренс Клейн. Собрание открыл генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр, но, посидев часок, исчез и больше не появлялся.

Попал я на это совещание «по-советски», т. е. случайно. «Настоящим мудрецом» был Джермен Гвишиани, а меня спешно подключили как запасного игрока, когда он почему-то отказался ехать.

Клейн играл здесь ту же роль, какую в свое время играл Кузнец на конференции в Бангкоке, — интеллектуального лидера. Опять говорили — кто в лес, кто по дрова или кто про Фому, кто про Ерему, — и председателя обычно выручал Клейн с его острой логикой и точностью суждений.

Он рекомендовал не паниковать и не выдумывать нереалистичных рецептов спасения мировой экономики и разрешения долгового кризиса развивающихся стран. Экономика США, сказал Клейн, безусловно прошла низшую точку спада, в Западной Европе и Японии дело идет к оживлению. В этих условиях развивающиеся страны, которые сохранят внутреннюю стабильность, смогут воспользоваться мировым экономическим подъемом для облегчения своего положения.

Этот прогноз в основном оправдался. США вступили в эру рей-гановского процветания при весьма умеренной инфляции. Проблема долгов, конечно, оставалась, но она не привела к крушению финансовых рынков, как многие опасались в 1982-1983 гг.

Потом я встретил Клейна в Эдинбурге в июле 1990 г., когда отмечалось 200-летие со дня смерти Адама Смита. Я расскажу об этом памятном событии чуть ниже. Лишь одно замечу. Там было восемь нобелевских лауреатов, и их беспрестанно снимали фотографы. На всех снимках Клейн — скромно во втором ряду или сбоку где-нибудь. Это человек, который не любит «высовываться».

Василий Леонтьев (р. 1906)

Место Леонтьева как экономиста в пантеоне славы неоспоримо. Родившийся в Петербурге, русский, получивший в 22 года степень доктора философии от Берлинского университета, он стал одним из самых известных американских экономистов. В международной энциклопедии социальных наук его сравнивают по значимости вклада с Адамом Смитом и Кейнсом. Анализ затраты—выпуск (межотраслевая экономика), созданный Леонтьевым в 30-40-е гг., явился одним из самых важных достижений экономической науки в XX в. Разработанный далее самим Леонтьевым и многими другими учеными, он воплотил плодотворное соединение экономики, математики и вычислительной техники.

Я познакомился с Леонтьевым в 1959 г., когда он впервые приехал в СССР. Спокойный, мягкий человек сразу завоевал симпатии слушателей его лекций и собеседников. По-моему, он был очень доволен, когда его стали называть, согласно русской традиции, по имени и отчеству — Василий Васильевич.

Приезд эмигранта был тогда большой редкостью. Начальство из Академии наук очень носилось с ним, устраивало ему встречи с высшими чиновниками. Возможно, это было связано и с первым послевоенным потеплением в советско-американских отношениях, готовилась (или уже состоялась, не помню) памятная поездка Никиты Хрущева в США. Леонтьев был живой связью между двумя нациями.

В советской экономической науке поднималась волна интереса к математическим методам. В таких работах, как леонтьевский анализ реальной экономики, люди видели возможность некоторого освобождения от жестких идеологических догм. Леонтьев говорил по-русски, это снимало трудности и скованность беседы на чужом языке или через переводчика. Поэтому он все время был окружен толпой желающих поговорить с ним, особенно молодых людей. Я спросил его мнение о статистике денежных потоков (flow of funds), которую в то время начала публиковать Федеральная резервная система. Он сказал, что видит в этом методе большое будущее. Я и теперь так считаю и сожалею, что и через 30 лет мы в России не имеем ничего даже отдаленно похожего на эту статистику.

В 1979 г. мне пришлось представлять Леонтьева аудитории нашего института и председательствовать на его лекции. К этому времени ИМЭМО получил новое, специально построенное для него здание. (Шутники сразу стали вспоминать ядовитое высказывание популярного в СССР англичанина Норткота Паркинсона: упадок учреждения начинается с того, что для него строят специальное здание. Такова судьба Министерства колоний в Великобритании). В нашем здании имеются два зала: один приблизительно на 150 мест, другой — на 600. Практически всегда лекции иностранных ученых, даже самых крупных, проводятся в малом зале. Но пока мы пили с Леонтьевым по чашке кофе, мне сообщили, что зал заполнен и много слушателей не могут найти себе стулья. Пришлось переходить в большой зал.

Когда мы вошли и Василий Васильевич окинул взглядом ряды почти полного амфитеатра, я почувствовал в нем некоторую растерянность. Он явно не ожидал такого скопления народа. Молодые люди из нашего института развешивали привезенные им графики развития мировой экономики, но в этом помещении они были бесполезны. В первый фразы лектора были еще следы этой неожиданности, но через одну-две минуты голос его окреп, а через пять минут он уже полностью владел аудиторией. На моей памяти это была, вероятно, самая успешная лекция иностранного ученого.

Василий Леонтьев, как и Гэлбрейт, в последние годы часто появлялся на страницах советской и российской прессы. Его совета просят, кажется, даже более настойчиво. Думаю, это объясняется тремя причинами: во-первых, он русский; во-вторых, практик и прагматик; в-третьих, ему близка идея сочетания рынка и государственного регулирования, без которой невозможны реформы.

В советской прессе загуляла фраза Леонтьева о том, что экономику можно сравнить с яхтой, у которой надуваемые ветром паруса — это личная заинтересованность («self-interest* Адама Смита), а руль — это государственное регулирование. В СССР ветер не надувал паруса, а в такой ситуации руль бесполезен. Тут же Леонтьев в утешение нам говорил, что американская экономика при Рейгане, да и при Буше, страдала обратным пороком, т. е. плыла под парусами без руля. Так или не так, но для нас это малоутешительно.

Летом 1990 г. Шотландия отмечала 200-летие смерти одного из своих великих сынов — Адама Смита, умершего в Эдинбурге 17 июля 1790 г. Устроители задались честолюбивой целью — собрать вместе самую большую группу лауреатов Нобелевской премии по экономике, и они преуспели в этом. Трибуна была доступна только им, и каждый выступал с докладом, увязывая наследие Смита с разными современными проблемами. Все это происходило в городском театре Эдинбурга в присутствии нескольких сотен слушателей. Это была не лучшая идея: всерьез читать и слушать научные доклады в такой

аудитории невозможно, люди быстро утомились и стали расходиться по буфетам.

Другие мероприятия этих дней включали торжественный обед в мэрии, посещение могилы Смита, несколько приемов. Самому младшему «нобелисту» было под семьдесят, а Леонтьеву тогда стукнуло восемьдесят четыре. Но он был чрезвычайно оживлен, общителен и активен. В своем докладе он порицал современную западную науку за чрезмерную абстрактность ее методов и моделей и призывал ученых, следуя духу Смита и его знаменитой книги о богатстве народов, всегда видеть эмпирическую и практическую стороны научных построений. По крайней мере так я его понял. Можно проверить, если этот доклад теперь опубликован.

К сожалению, поговорить мне с ним в этой суете почти не удалось. Более содержательной была наша встреча в Гронингене (Нидерланды), куда съехались человек двести экономистов на вторую конференцию Европейской ассоциации сравнительных экономических исследований, занимающихся проблемами Восточной Европы и ее отношений с Западом. На дворе стоял теплый сентябрь 1992 г.

Леонтьев выполнял функцию *key speaker* (ключевого оратора), который призван, так сказать, задать тон конференции. С этой ролью старик справился отлично, еще раз блеснув умом, юмором и трезвостью суждений. Кроме этого, мы с ним часа полтора провели за содержательным разговором (на этот раз уже по-русски).

Он сказал, что не в состоянии следить за всеми аспектами бурных событий в России и в других бывших частях СССР, но что ситуация его глубоко волнует и тревожит. Представляют ли себе люди, стоящие у власти в Москве, Киеве, Праге, Варшаве, какое именно общество и какую экономическую систему они хотят «построить»? Порой кажется, что они хотят капитализма, которого уже нет на Западе. Но и там часто нет правильного понимания ситуации в России. Американские экономисты склонны считать, что речь идет о довольно стандартной макроэкономической задаче, рецепты решения которой можно найти в учебниках. Конечно, в экономических проблемах разных стран есть немало общего. Но переворот, который происходит в России, органически связан со всей ее историей, с особенностями развития общества. Речь идет не только об изменениях в экономике, но об огромном политическом, социальном и культурном перевороте.